

Кошмар
за скобками

Моск. новости. - 1993. - 10 окт. - с. В 14

Михаил МИШИН

Последнее время упрекают, что много ругаюсь.

Что, мол, каждое второе слово — «козел».

Прислушиваюсь к критике и делаю из нее практические выводы.

Критики — козлы.

Но сейчас не об этом. Отключимся от склок. Включим радио.

В эфире треск. Это великие перевернулись в гробах и сцепились в скандале.

— На! Слушай теперь!! Твоя работа!

— Моя? А кто сто лет орал: «Я первый изобрел радио!» Не ты?

— Я правильно орал! Потому что я изобрел ради-о! А не «Радио-сто один!» И не «Радио-семь!» И не «Радио «Макси-...»

— Ша, Попов! Молчи, Маркони! Дай послушать!

— А теперь, друзья, к нам сюда прозвонилась Аленка! У Аленки большое горе, у нее был мальчишка Филя, которого она долго любила, но вчера она оставила его навсегда, и поэтому сейчас по Аленкиной просьбе для мальчишка Филя я толкаю в эфир последний компакт, который только что приволок в студию наш Петюня. Кстати, Петюня простужен — не зарази нас, Петюня, ха-ха! — и сейчас тут варит себе кофеечек. Надеюсь, он плеснет и мне... А пока варится кофеечек, мы насладимся крутой командочкой (средней внятности англоязычное бормотание) с ихним последним забойным хитом (англобормотание)...

Доморощенные рэинджеры эфира, путаясь в дееспричастиях, кайфуют на ультракоротких волнах.

Мы за то и боролись — лишь бы они не кололись.

О, бэйби.

Но вот уже и потраченные временем дядьки и тетьки, задрав штаны, хромают за этим комсомолом. Уже и флагманские станции, где гудит еще эхо державного левитановского рокота, вдруг заголосили над головами сограждан, как муэдзины в Стамбуле.

— Радио России-и-и-и-и-и! — надрывается солидная некогда волна. — Радио России-и-и-и-и-и!

— М-а-я-а-а-а-а-к! — блеет другая.

Вырубаем радио — врубаем телевизор. И тут же начинаем любить радио. Потому что тут их еще и видно...

Щелк! — «...а те, кто обвиняет нас в коррупции, сами по ушн сидят в коррупции, но эти факты нами уже переданы в комиссию по дерь... то есть коррупции, которая работает...»

Щелк! — «...не чисто, а безупречно чисто!...»

Шелк! — «...и уже вскрыла факты коррупции сил, которые пытаются не допустить разоблачений про коррупцию, которую пытаются свалить на...»

Щелк! — «...жареный арахис и много-много вкуснейшего молочного шоколада!...»

Щелк! Щелк!..

В вольном эфире Родины весело плещется мутное единство формы и содержания. Единство содержания в том смысле, что все вещающие — за Россию и против тех, кто против России. Единство формы в том, что до такой всеобщей корявости никогда не опускалось даже бывшее радио

бывшей империи. Ну и хрен с ним. Мы не для падежей побеждали. Мы побеждали, чтоб телерадиволна перестала быть огородом комунык и ихних прихвостней. Теперь мы в своем праве, братва. И потому теперь в наш эфир может забежать с улицы каждый, как в общественный туалет, и сделать то же самое.

Выключаешь изображение — получается радио (см. выше). Выключаешь звук — получается угадайка: телевидение какой страны ты смотришь? Сумасшедшей — правильно, но какой именно? (Рекламу — за скобки. «Пепси» и в Африке «Пепси»).

Наиболее зоркие уверяют: все-таки это мы в России, мы дома все-таки. Они утверждают: зеленая в клетку рубашка плюс синий галстук на экране дают именно нашего парламентария, тем паче он опять поискал пальцем в носу, а виновато само телевидение, разжигающее... забыл что.

Да и стыдно уже клеветать этого парламентария. Он не виноват. Это мы виноваты, мы его сами выбрали. Это нам урок: выбирать новый парламент из числа овладевших носовым платком, если такие уже есть, это вопрос.

Но вот телеведущего этого мы с тобой точно не выбирали. Мы с тобой не знали, откуда он ворпхнул в студию, этот безумный попутайка. Ахнул, ухнул, хохотнул, ушпннул какого-то мужичка, вроде даже президента (правда, бывшего — просто нынешнего под рукой не оказалось, а то бы он и ему не спустил!), в общем, дерзко так намекнул, что он лично его, бывшего, отнюдь не одобряет. Тот было пригорюнился, да этот про него уж и позабыл, зато нас с тобой заметил. Так прямо нам с тобой, миллионам, и сказал: «Звоните, мои дорогие, мне в прямой эфир!»

Это, значит, мы с тобой — миллионы его дорогие, попугайки этого.

Что приятно, не один он там. Их нынче стаи. Которые совсем молочные, чего-то там на птичьем языке блекочут насчет дисков. Кто постарше, производит интервью. Причем исключительно эксклюзивные, ты понял? Тут на днях одна из этой стаи очень эксклюзивно того художника прищучила. «Как же, — говорит, — вы можете честные картинки рисовать, если родились при Сталине?» Тот экал, бекал... Смех! (Вообще-то он не художник был, а поэт. Или даже композитор. Да наплевать на него, главное, она в такой блуждочке была — караул).

Вообще же у волшебного ящика два варианта развлечений. А если выкинуть за скобки, помимо рекламы, эту ихнюю борьбу с тенью коррупции и бразильские страдания, то один вариант.

То есть мы будем так условно называть то, что они там делают.

Нет, конечно, мы за то и боролись, чтоб не комуняки назначали, кому петь, а чтоб любой мог демократично... Забежал, дал — и музицирую. В конце концов сортир же теперь тоже платный, правильно?

Но, конечно, преувеличение, что каждый может. На самом деле, конечно, отбор дарований ведется, и очень даже тщательный. Потому что случайно набрать на все каналы такое количество юных (не знаю, как их называть, чтоб не засудили) нельзя.

Что приятно, правда, это что все с разной вокальной манерой. У которого гантеля в ухе — это Вовик, а которая босая, в тулупе — Эльвира... Или нет, босая — это Юрик. А Калерия у них первая по клипам. Ох, последний клип у нее улетный! Помнишь, там такой паровоз, а она на фоне толпки колготки снимает — очевидно, ей жарко от страсти. Кстати, о борьбе с преступностью. Вот же они, каждый вечер по несколько человек в татуировке суетятся в дыму, а стойка микрофона все никак не ломается. Рядом с тем, что они поют, «Мурка» — это как бы «Аве, Мария...» А эти, из МВД, бормочут, что преступники в розыске. Чего их искать — включая ящик!

Впрочем, все ерунда. Попов с Маркони поми-
рятся.

Парламент выберут. Еще получше этого. Радио с телевизором разовьются. Искусство юриков через спутник доносится уже до самых-самых дальних пастбищ. Ну, снизилось поголовье овец, ничего, привыкнут овцы. Мы ж привыкли, и ничего. Наше поголовье тоже чутко снизилось. И ничего.

Даже детей не жалко. Они другого не видели. А мы им не расскажем. А расскажем — они не поверят и сделают погромче звук и поярче изображение.